

А **АНОНС**

**Игорь
Иртеньев**

Попытка к тексту

Московский рабочий

Игорь Иртеньев

Попытка К тексту

Московский рабочий

1989

ББК 84Р7—5
И84

Иртенев И. М.

И84 Попытка к тексту: Стихи.— М.: Моск. рабочий, 1989.— 47 с.— (Анонс).

Игоря Иртенева смело можно назвать продолжателем традиций поэзии обернутов — Хармса, Введенского, Олейникова. Иртеневу, как и обернутам, присуща остроумная, парадоксальная манера мышления. Блестяще владея пародийными ходами, поэт создает гротескный, гипертрофированный мир среднего обывателя, чье сознание отравлено штампами массовой культуры. Вместе с тем стихи Иртенева — это не просто сатирические стихи. Сквозь гротеск и ерничество проступает боль за человека, чувствуется, что автора ранит пошлость обыденного существования. И потому о нем можно сказать словами Арсения Тарковского: «Так елозит по экрану с реверансами, как спьяну, старый клоун в котелке и, как трезвый, прячет рану под жилеткой из пике».

И $\frac{4702010202-105}{M172(03)-89}$ Без объявл.

ББК 84Р7—5

ISBN 5—239—00924—4

© Издательство «Московский рабочий», 1989

«По улице идет автобус...»

АВТОБУС

По улице идет автобус,
В нем едет много человек.
У каждого — свои заботы,
Судьба у каждого — своя.

Вот инженер
Тире строитель.
Он строит для людей дома,
И в каждый дом,
Что им построен,
Души частицу он вложил.

А рядом с ним
В большой зюйдвестке
Отважный едет китобой.
Он кашалотов беспощадно
Разит чугунным гарпуном.

А рядом с ним
Стоит рабочий.
Его глаза огнем горят.
Он выполнил четыре нормы,
А захотел бы —
Смог и шесть.

А рядом —
Женщина рождает,
Еще мгновенье —
И родит!
И тут же ей уступят место
Для пассажиров, что с детьми.

А рядом — футболист известный
С богиней Никою в руках.
Под иберийским жарким небом
Ее он в честном взял бою.

А рядом — продавщица пива
С косою русою до пят.
Она всех пивом напоила,
И вот теперь ей —
Хорошо.

А рядом в маске Дед-Мороза
Коварный едет
Контролер.
Ее надел он специально,
Чтоб всеми узанным
Не быть.

Но этой хитрою уловкой
Он не добьется ничего,
Поскольку есть у всех билеты,
Не исключая
Никого.

СЛУЧАЙ В БОЛЬНИЦЕ

Художественная быль

Острым скальпелем хирург
Разрезал больного,
И узнал в несчастном вдруг
Он отца родного.

Бросил тот свое дитя
В жизни час суровый,
И вот много лет спустя
Свел их случай снова.

Инструмент в руках дрожит,
Сын глядит не видя,
Перед ним отец лежит
В искаженном виде.

Распростерся недвижим,
К жизни вкус утратив,
И не знает, что над ним
Человек в халате.

И не ведает того,
Что внутри халата
Сын находится его,
Брошенный когда-то.

Много лет искал отца
Он, чтоб расплатиться,
И нашел в конце конца
В собственной больнице.

Вот сейчас злодей умрет
От меча науки!

Но хирург себя берет
В золотые руки,

Ощущает сил прилив,
Все отцу прощает
И, аппендикс удалив,
К жизни возвращает.

Со стола отец встает,
Взор смущенный прячет,
Сыну руку подает
И от счастья плачет.

Мы не скажем, случай тот
Был в какой больнице.
Ведь подобный эпизод
В каждой мог случиться.

ЭЛЕКТРОМОНТЕРАМ

До чего же электромонтеры
В электрическом деле матеры!
Невозможно понять головой,
Как возможно без всякой страховки,
Чудеса проявляя сноровки,
Лезть отверткой в щит силовой.

С чувством страха они незнакомы,
Окрылены заветами Ома
Для неполной и полной цепей,
Сжав зубами зачищенный провод,
Забывают про жажду и голод.
Есть ли в мире работа святей?!

Нету в мире святее работы!
Во всемирную книгу Почета
Я б занес ее, будь моя власть.
Слава тем, кто в пределах оклада
Усмиряет стихию заряда,
Чтобы людям во тьме не пропасть!

Слава им, незаметным героям,
Энергичным в оценках порою,
Что поделаешь, служба не мед...
В некрасивых штанах из сатина
Электрический строгий мужчина
По огромной планете идет.

ЧАСОВОЙ

Стоит на страже часовой,
Он склад с горючим охраняет.
О чем он в этот час мечтает
Своей могучей головой?

Картины мирного труда
Пред ним проходят чередою:
Вот он несет ведро с водою,
Чтоб ею напоить стада,

Вот он кладет умело печь,
Кирпич в руках его играет,
А сердце сладко замирает:
Он в ней оладьи будет печь.

Вот он, мечи с большим трудом
Перековавши на орала,
Надел свой бороздит удаю,
Инстинктом пахаря ведом.

Мечта солдата вдаль зовет,
Несет его к родным пенатам...
О, если был бы он пернатым,
Тотчас пустился бы в полет.

Но, как известно, неспроста
Стоит солдат на страже мира,
И не оставит он поста
Без приказанья командира.

ПЕСНЬ

Словно коршун в синем небе,
Кружит серый самолет.
А во ржи, срывая стебель,
Дева юная поет.
Песнь ее летит с мольбой
В неба кумпол голубой,
И слова ее просты,
Как репейника цветы:
«Летчик, летчик, ты могуч,
Ты летаешь выше туч,
Ты в воздушный океан
Устремляешь свой биплан.
Гордо реешь в облаках ты,
Распыляя химикаты.
Ты возьми меня с собой
В неба кумпол голубой.
Там в ужасной вышине
Ты поженишься на мне.
Обязательно должна
Быть у летчика жена!»

Но не слышит авиатор
Девы пламенный напев.
От вредителей проклятых
Опыляет он посев,
Чтоб не смел коварный враг
Портить наш могучий злак.

КАМЕЛИЯ

Женщина в прозрачном платье белом,
В туфлях на высоком каблуке,
Ты зачем своим торгуешь телом
От большого дела вдалеке?

Ты стоишь, как кукла, разодета,
На ногтях сверкает яркий лак,
Может, кто тебя обидел где-то?
Может, кто сказал чего не так?

Почему пошла ты в проститутки?
Ведь могла геологом ты стать,
Или быть водителем маршрутки,
Или в небе соколом летать.

В этой жизни есть профессий много,
Выбирай любую, не ленись,
Ты пошла неверною дорогой,
Погоди,
Подумай,
Оглянись!

Видишь — в поле трактор что-то пашет?!
Видишь — из завода пар идет?!
День за днем страна живет все краше,
Неустанно двигаясь вперед.

На щеках твоих горит румянец.
Но не от хорошей жизни он,
Вот к тебе подходит иностранец,
Кто их знает — может, и шпион.

Он тебя как личность не оценит,
Что ему души твоей полет,

Ты ему отдашься из-за денег,
А любовь тебя не позовет.

Нет, любовь продажной не бывает,
О деньгах не думают, любя,
Если кто об этом забывает,
Пусть потом пеняет на себя.

Женщина в прозрачном платье белом,
В туфлях на высоком каблуке,
Не торгуй своим ты больше телом
От большого дела вдалеке!

ЗЕМЛЕКОП

Вот землекоп траншею роет,
Вгрызаясь в грунт
За пядью пядь.
То пыль со лба стряхнет порою,
То потную откинет пядь.
Русоволосый, конопатый,
Предрасположенный к вину,
Сжимая верную лопату,
Кряхтя, уходит в глубину.
Вот он в земле почти по шею,
Вот он совсем пропал из глаз.
Растет и ширится траншея,
Такая нужная для нас.
А завтра утром
В час рассветный
Сюда он явится опять
И будет столь же беззаветно
Ее обратно засыпать.
О, Русь, загадочная Русь,
Никак в тебе не разберусь.

Мечта о крыльях

СТРАННЫЙ ГОСТЬ

А. Кучаеву

Как-то утром за обедом
 засиделся я с соседом,
Что живет со мною рядом
 на другом конце страны,
Был сырой осенний вечер
 зимней скукою отмечен,
Но вплетались краски лета
 в синь зеленой белизны.
Не в преддверье ли весны?

Помню, темой разговора
 были тезы Кьеркегора
И влияние кагора
 на движение светил.
Нить беседы прихотливо
 извивалась и на диво
Обстановка климата
 и сосед был очень мил —
Он практически не пил.

Словом, было все прекрасно,
 но, однако, не напрасно
Я от тяжести неясной
 все отделаться не мог.

Тишину моей гостиной
вдруг нарушил очень длинный
И достаточно противный
электрический звонок.
Кто вступил на мой порог?

Кто же этот гость нежданный,
что с настойчивостью странной
В этот вечер столь туманный
нарушает мой покой?
Это кто возник из ночи
и на кнопку давит очень?
Неужели на мерзавца
нет управы никакой?
А милиция на кой?!

Звон меж тем раздался снова.
— Что за наглость, право слово?! —
И нахмурив бровь сурово,
повернул я ключ в замке.
Предо мною на пороге
неулыбчивый и строгий
Вырос странник одинокий
в старомодном сюртуке
С черной птицей на руке.

Позабытые страницы
мне напомнил облик птицы,
Утлой памяти границы
вдруг раздвинулись на миг,
Вспомнил я: все это было —
«...мрак, декабрь, ненастье выло...»
И как будто из могилы доносился хриплый крик,
Вызывавший нервный тик.

Уловив мое смятенье,
 он шагнул вперед из тени:
— Извините, вы Иртеньев?
 У меня к вам разговор:
Мой кисет, увы, непрочен,
 а табак дождем подмочен,
Что вы курите, короче?
 Я ответил: «Беломор».
— Боже мой, какой позор!

Прошептал он с возмущеньем
 и, обдав меня презреньем,
Устремился по ступеням
 темной лестницы во двор.
Хлопнув дверью что есть мочи,
 из подъезда вышел прочь он
И исчез, но с этой ночи
 не курю я «Беломор».
Никогда, о nevermore!

ОТЕЦ И СЫН

— Скажи мне, отец,
Что там в небе горит,
Ночной озаряя покров?

— Не бойся, мой сын,
Это метеорит —
Посланец далеких миров.

— Я слова такого не слышал, отец,
И мне незнакомо оно,
Но, чувствую, свету приходит конец
И, стало быть, нам заодно.

— Не бойся, мой милый,
Авось пронесет,
Не даст нас в обиду Господь,
Он наши заблудшие души спасет,
А если успеет — и плоть.

— А вдруг не успеет?
Отец, я дрожу,
Сковал меня гибельный страх.
— Уж больно ты нервный, как я погляжу,
Держи себя, сын мой, в руках.

— Отец, он все ближе,
Минут через пять
Наступит последний парад,
Не в силах я больше на месте стоять,
Настолько здоровый он, гад!

— Не бойся, мой сын,
Я когда-то читал,
Теперь уж не помню когда,

Что это всего лишь железный металл,
Отлитый из вечного льда.

— С небесным железом, отец, не шути,
С обычным-то шутки плохи,
Похоже, что нету другого пути,
Давай-ка рванем в лопухи.

— В какие, мой сын?
— Да вон те, за бугром,
Отсюда шагах в двадцати.
Да что ты стоишь,
Разрази тебя гром!
Нам самое время идти.

— Скажу тебе, сын,
Как тунгусу тунгус,
Чем шкуру спасти в лопухах,
Я лучше сгорю, как последний Ян Гус,
И ветер развеет мой прах.

Найду себе гибель в неравном бою,
Прости, коли был я суров.
Дай, сын, на прощанье мне руку твою.
— Как знаешь, отец.
Будь здоров.

СЮЖЕТ ВПОТЬМАХ

Какая ночь, едрит твою!
Черней Ремарка обелиска,
Стоит звезда, склонившись низко
У бездны мрачной на краю.
Звезда стоит... А что Ремарк?
Он пиво пьет, поскольку немец.
При чем тут пиво?.. Вечер темец...
Уже теплей... Пустынный парк
Спит, как сурок, без задних ног,
Тот, от которого Бетховен
Никак отделаться не мог,
Поскольку не был бездуховен,
Не то, что нынешние мы...
Но тут опять отход от темы,
От темы ночи... темы тьмы...
Никак в проклятой темноте мы
Повествование загнать
Не можем в заданное русло...
Ах, отчего душе так грустно
Рукой усталой окунать
Перо в чернильницыно лоно?..
Опять знакомо все до стона...
Как там? ... «волшебницыных уст»...
Там вроде все куда-топлыли...
По направленью к Свану... Или
В том направленье плавал Пруст?..
Марсельцы не забудут Пруста,
Который чуть не сбилсяс курса
ВКП(б), что Верном был,
Пока компас не подложил
Ему в топор один предатель,
Но, впрочем, видел все Создатель,
И тот потом недолго жил.
Короче ночь... чем день зимой...

Зимой короче день, а летом
Короче ночь... Ах, боже мой,
Не проще ль написать об этом,
Сюжет направив в колею,
Куда-то сносит все с которой
Рукой уверенной и скорой:
«Какая ночь, едрит твою!»

ПОЭТ И ПРОЗАИК

А. Кабакову

Квартира Прозаика. Появляется Поэт, приглашенный
по случаю дня рождения хозяина.

Поэт
(*светясь*)

Какие, друг мой, наши годы!
Нам генетические коды
Сулят на много лет вперед,
Что жизнь внутри нас не умрет.

Прозаик
(*брюзжливо*)

Такие, друг мой, наши годы,
Что ломит кости от погоды,
И атмосферы перепад
Душевный нарушает лад.

Поэт
(*с идиотским энтузиазмом*)

Какие, друг мой, перепады,
Когда стихов моих громады
И прозаический твой дар
В сердцах людей рождают пар!

Прозаик
(*сварливо*)

Такие, друг мой, перепады,
Что большей нет душе отрады,
Чем, ноги войлоком обув,
Их водрузить на мягкий пуф.

Поэт
(пламенея)

Какие, друг мой, наши ноги,
Когда бессмертье на пороге?!
Оно звонит в дверной звонок,
Держа под мышкою венки.

Прозаик
(страдальчески морщась)

Такие, друг мой, наши ноги,
Что не поднять мне с пуфа ноги,
А что касается венка,
То шутка явно не тонка.

Поэт
(из последних сил)

Какие, друг мой, наши шутки!
Вставай, в прудах проснулись утки,
Заря за окнами горит
И радость в воздухе парит.

Прозаик
(прислушиваясь к себе)

Такие, друг мой, наши шутки,
Что мне седьмые кряду сутки
Пищеварительный мой тракт
Не может краткий дать антракт.

Поэт
(внезапно обмякнув)

Какие, друг мой, наши тракты!
Всего возвышенного враг ты.
До глубины душевных пор
Меня измучил этот спор.

(падает)

Прозаик
(не меняя позы)

Такие, друг мой, наши тракты,
Что частые со мной контакты
Иных служителей искусств
Лишить способны многих чувств.

Поэт
(помертвевшими губами чуть слышно)
Какие?

Прозаик
(с раздражением)
Такие.

ЗАНАВЕС

МЕЧТА О КРЫЛЬЯХ

Если б кто на спину мне бы
Присобачил два крыла,
Я б летал себе по небу
Наподобие орла.

Я бы реял над планетой,
Гордый пасынок стихий,
Не читал бы я газеты,
Не писал бы я стихи.

Уклоняясь от работы
И полезного труда,
Совершал бы я налеты
На колхозные стада.

Я б сырым питался мясом,
Я бы кровь живую пил,
Ощущая с каждым часом
Прибавленье свежих сил.

А напившись и наевшись,
Я б ложился на матрас
И смотрел бы не мигая
Передачу «Сельский час».

Подайте, граждане, поэту!
Ему на гордость наплевать.
Гоните, граждане, монету,
Поэтам нужно подавать.

Остановись на миг, прохожий,
И очи долу опусти —
Перед тобой посланник Божий,
Поиздержавшийся в пути.

Отброшен силой центробежной
За социальную черту,
Сидит он в позе безмятежной
На трудовом своем посту.

Под ним струя,
Но не лазури,
Над ним амбре —
Ну нету сил.
Он, все отдав литературе,
Сполна плодов ее вкусил.

Гони, мужик, пятиалтынный
И без нужды не раздражай.
Свободы сеятель пустынный
Сбирает скудный урожай.

Когда сгорю я без остатка
В огне общественной нужды,
Идущий следом вспомнит кратко
Мои невнятные труды.

И в этот миг сверкнет багрово
Во тьме' кромешной и густой
Мое мучительное слово
Своей суровой наготой.

Причинно-следственные связи
Над миром потеряют власть,
И встанут мертвые из грязи,
И упадут живые в грязь.

И торгоши войдут во храмы,
Чтоб приумножить свой барыш,
И воды потекут во краны,
И Пинском явится Париж.

И сдаст противнику без боя
Объект секретный часовой,
И гайка с левою резьбою
Пойдет по стрелке часовой.

И Север делается Югом,
И будет Западом Восток,
Квадрат предстанет взору кругом,
В лед обратится кипяток.

И гильза ляжет вновь в обойму,
И ярче света станет тень,
И Пиночет за Тейтельбойма
Опустит в урну бюллетень.

И дух мой, гордый и бесплотный,
Над миром, обращенным вспять,
Начнет туда-сюда витать,
Как перехватчик беспилотный.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

«...Я хочу пойти в МГИМО, но я боюсь,
что в эту фирму не берут дебилов».

А. Еременко

Я б вступил в писателей союз,
Чтоб улучшить свой моральный климат,
Только, често говоря, боюсь,
Что они меня туда не примут.

Там у них крутые мужики,
Знающие толк в литературе,
На фига нужны им леваки,
Разной нахватавшиеся дури?

Это так. Но разве ж я левак,
Хоть и волос кучерявый малость?
У меня прадедушка словак,
От него и метрика осталась.

Я корову с «ятями» пишу,
Я прочел Проскурина до корки,
Я в упор на дух не выношу
Разных там еременок да коркий.

Пусть масонский точат мастерок
Под аплодисменты Уолл-стрита,
Не заменит мне весь ихний рок
Нашего разбитого корыта.

Ядовитой брызгая слюной,
Пусть исходит злобою Арабов,
Что готов продать свой край родной
За пучок соленых баобабов.

Им не отскрести поганных рук
От золы отеческих пожарищ!
Заявляю вам, товарищ Друк:
— Вы теперь мне больше не товарищ!

Мы сметем вас с нашего пути,
Всех, по ком давно рыдает стенка!
Так что, Нина Юрьевна, прости —
Вы теперь мне больше не Искренко!

Мне большое дело по плечу,
И, душой стремясь к добру и свету,
Я в союз писателей хочу,
Так хочу, что просто мочи нету.

ГОРОДСКИМ ПОЭТАМ

Люблю я городских поэтов,
Ну что поделаешь со мной.
Пусть дикой удали в них нету,
Пусть нет раздольности степной,
Пусть нету стати в них былинной,
Пусть попран дедовский завет,
Пусть пересохла пуповина,
Пусть нет корней,
Пусть стержня нет.
Зато они
В разгаре пьянки
Не рвут трехрядку на куски
И в нос не тычут вам
Портянки,
Как символ веры и тоски.

Конечно, это горько, но
Бессмертье мне не суждено —
Оно великим лишь награда.
Нет, не воздвигнут мавзолей
Во славу памяти моей,
Да мне, признаться, и не надо.

И двое строгих часовых,
От холода едва живых,
Но неподвижных, словно камень,
Не будут около меня,
Судьбу курсантскую кляня,
Стоять с примкнутыми штыками.

Мне предстоит иной покой,
Я знаю, кажется, какой —
Простая гипсовая урна
Да ниша в каменной стене,
Пусть непрестижно будет мне,
Но в остальном вполне недурно.

Попытка к тексту

НЕВОЛЬНОЕ

Я Аллу люблю Пугачеву,
Когда, словно тополь стройна,
В неброском наряде парчовом
Выходит на сцену она.

Когда к микрофону подходит,
Когда его в руки берет
И песню такую заводит,
Которая вряд ли умрет.

От диких степей Забайкалья
До финских незыблемых скал
Найдете такого едва ли,
Кто песню бы эту не знал.

Поют ее в шахтах шахтеры,
И летчики в небе поют,
Солдаты поют и матросы,
И маршалы тоже поют.

О чем эта песня — не знаю,
Но знаю — она хороша.
Она без конца и без края,
Как общая наша душа.

Пою я, и каждое слово
Мне сердце пронзает иглой.
Да здравствует А. Пугачева,
А все остальное — долой!

ПРО ПЕТРА

Опыт синтетической биографии

Люблю Чайковского Петра!
Он был заядлый композитор,
Великий звуков инквизитор,
Певец народного добра.

Он пол-России прошагал,
Был бурлаком и окулистом,
Дружил с Плехановым и Листом,
Ему позировал Шагал.

Он всей душой любил народ,
Презрев чины, ранжиры, ранги,
Он в сакли, чумы и яранги
Входил — простой, как кислород.

Входил, садился за рояль,
И, нажимая на педали,
В такие уносился дали,
Какие нам постичь едва ль.

Но точно зная, что почем,
Он не считал себя поэтом
И потому писал дуплетом
С Модестом, также Ильичом.

Когда ж пришла его пора,
Что в жизни происходит часто,
Осенним вечером ненастным
Недосчитались мы Петра.

Похоронили над Днепром
Его под звуки канонады,

И пионерские отряды
Давали клятву над Петром.

Прощай, Чайковский, наш отец,
Тебя вовек мы не забудем!
Спокойно спи
На радость людям
Нелегкой музыки творец!

ЛЕТАЮЩИЙ ОРЕЛ

Летит по воздуху орел,
Расправив дерзостные крылья,
Его никто не изобрел,
Он плод свободного усилья.
В пути не ведая преград,
Летит вперед,
На солнце глядя,
Он солнца брат
И ветра брат,
А самых честных правил — дядя.
Какая сила в нем и стать!
Как от него простором веет!
Пусть кто-то учится летать,
А он давно уже умеет.
Подобно вольному стиху
Могуч, но малопредсказуем —
Летит он гордо наверху,
А мир любит внизу им.
Но что ему презренный мир,
Его надежды и страданья?
Он — одинокий пассажир
На верхней полке мирозданья.

ПОХВАЛА ДВИЖЕНИЮ

О. Чугай

По небу летят дирижабли,
По рельсам бегут поезда,
По синему морю корабли
Плывут неизвестно куда.

Движение в природе играет
Большое значенье, друзья,
Поскольку оно составляет
Основу всего бытия.

А если в процессе движения
Пройдешь ты, товарищ, по мне,
То это свое положенье
Приму я достойно вполне.

И чувствуя вдавленной грудью
Тепло твоего каблука,
Я крикну: Да здравствуют люди!
Да будет их поступь легка!

О ЧЕМ МЕЧТАЕШЬ ТЫ, ТОВАРИЩ?

О чем мечтаешь ты, товарищ,
Когда в рассветный тихий час
Себе яйцо на кухне варишь,
Включив для этой цели газ?

В каких ты эмпиреях реешь,
Когда, на завтрак съев яйцо,
Электробритвой «Харьков» бреешь
Еще нестарое лицо?

Какие жгучие проблемы
Терзают твой пыливый мозг
В тот миг,
Когда посредством крема
На обувь ты наводишь лоск?

Какой пленительной надеждой
Ты тешишь мысленный свой взор,
Когда, окутав плоть одеждой,
Упругим шагом меришь двор?

Мой друг,
Мой брат,
Мой современник,
Что мне сказать тебе в ответ?
Конечно, плохо жить
Без денег,
А где их взять,
Когда их нет?

ПОПЫТКА К ТЕКСТУ

Снег падал, падал и упал,
На юг деревья улетели,
Земли родной в здоровом теле
Зимы период наступал.

Проснулись дворников стада,
К рукам приделали лопаты
И, жаждой действия объаты,
На скользкий встали путь труда.

Зима входила в существо
Вопросов, лиц, организаций
И в результате дней за двадцать
Установился статус-кво.

Застыл термический процесс
На первой степени свободы...
Зимы ждала, ждала природа,
Как Пушкин отмечал, А. С.,
И дождалась...

ПАСТОРАЛЬ

Гляжу в окно. Какое буйство красок!
Пруд — синь,
Лес — зелен,
Небосклон голуб.
Вот стадо гонит молодой подпасок,
Во рту его золотой сияет зуб.

В его руках «Спидола» именная —
Награда за любимый с детства труд.
Волшебным звукам
Трепетно внимая,
Ему вослед животные идут.

На берегу водоема плачет ива,
Плывет по небу облаков гряда,
Симптом демографического взрыва —
Белеет аист
В поисках гнезда.

Младые девы
Пестрым хороводом
Ласкают слух,
А также тешат глаз...
Все это в сумме
Дышит кислородом,
А выдыхает — углекислый газ.

Ах, отчего на сердце так тоскливо?
Ах, отчего сжимает грудь хандра?
Душа упорно жаждет позитива,
Взамен «увы» ей хочется «ура!».

Повсюду смута и умов брожение,
Зачем, зачем явился я на свет —
Интеллигент в четвертом приближенье
И в первом поколении поэт?

Безумный брат войной идет на свата,
И посреди раскопанных могил
На фоне социального заката
Библиофила ест библиофил.

Быть не хочу ни едоком, ни снедью,
Я жить хочу, чтоб думать и уметь,
На радость двадцать первому столетию
Желаю в нем цвести и зеленеть.

Неужто нету места в птице-тройке,
Куда мне свой пристроить интеллект?
Довольно быть объектом перестройки,
Аз есмь ея осознанный субъект!

Куда ушли товарищи мои,
Что сердцу были дороги и милы?
Одни из них заплыли за буи,
А сил назад вернуться не хватило.

Другие в неположенных местах
Копали от рассвета до заката,
Они сложили головы в кустах,
Не вняв предупреждению плаката.

А третьих бес попутал, говорят.
Кого из нас не искушал лукавый?
Забыв про все, рванули в левый ряд,
Хоть был еще вполне свободен правый.

Четвертые — народец удалой,
Те никого на свете не боялись,
Стояли — руки в боки — под стрелой
И, по всему похоже, достоялись.

Ушли друзья в неведомую даль,
Наделав напоследок шуму много,
Но не скажу, что мне их очень жаль,
Ушли и ладно —
Скатертью дорога.

Я на своем остался берегу,
Решать свои
Конкретные
Задачи.
Я здесь стою
И не могу ина
Но за других
Ручаться не могу.

ВСЕ ОТЛИЧНО!

Отличные парни отличной страны
Недавно вернулись с отличной войны,
В отличие от целого ряда парней,
Которые так и остались на ней.

Отлично их встретил отличный народ,
Который в стране той отлично живет,
Отличных больниц понастроил для них,
Где коек больничных — одна на двоих.

Отличным врачам поручил их лечить,
Что руки не могут от ног отличить.
Отлично остаться живым на войне,
Но выжить в больнице — отлично вдвойне.

Отличных наград для героев отлил,
Отличных оград для приличных могил,
А кто не успел долететь до небес —
Отличные пенсии выдал собес.

Отлично, когда на глазах пелена,
Привычно наличие публичного сна.
Неужто не взвоем от личной вины,
Отличные люди отличной страны?

Меня зовут Иван Иванович.
Мне девяносто восемь лет.
Я не снимаю брюки на ночь
И не гашу в уборной свет.

Я по натуре мирный житель,
Но если грянет вдруг война,
Надену я защитный китель,
К груди пришпилю ордена.

И в нижнем ящике буфета,
Где у меня военный склад,
Возьму «крылатую ракету».
Ужо, проклятый супостат!

Ее от пыли отряхну,
Стабилизатор подогну,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую
И горе нашему врагу!

Сияло солнце над Москвою,
Была погода хороша,
И наслаждалась покоем
Моя уставшая душа.
Внезапно сделалось темно,
Затрепетали занавески,
В полуоткрытое окно
Ворвался ветра выдох резкий,
На небе молния зажглась
И долго там себе горела...
В вечернем воздухе,
Кружась,
По небу кошка пролетела.
Она летела,
Словно птица,
В сиянье грозových огней
Над изумленной столицей
Великой Родины моей.
По ней стреляли из зениток
Подразделенья ПВО,
Но на лице ея угрюмом
Не отразилось ничего.
И, пролетая над Арбатом,
К себе вниманием горда,
Она их обложила матом
И растворилась
Без следа.

Ероплан летит германский —
Сто пудов сплошной брони.
От напасти бусурманской
Матерь Божья, сохрани!

Кружит, кружит нечестивый
Над Престольной в небеси,
Отродясь такого дива
Не видали на Руси.

Не боится сила злая
Никого и ничего,
Где ж ты, Троица Святая?
Где родное ПВО?

Где же ты, Святой Егорий?
Или длинное твое
Православию на горе
Затупилося копьё?

Кружит адово страшило,
Ищет, где б ловчее сесть...
Клим Ефремыч Ворошилов,
Заступись за нашу честь!

Острой шашкою своею
Порази врага Руси,
Чтоб не смог у Мавзолея
Супостат раскрыть шасси.

А и ты, Семен Буденный,
Поперек твою и вдоль!
Иль не бит был Первой конной
Федеральный канцлер Коль?!

Невский-князь, во время оно
У Европы на виду
Иль не ты крошил тевтона
На чудском неслабом льду?!

Но безмолвствуют герои,
Крепок их могильный сон...
Над притихшею Москвою
Тень простер Армагеддон.

МОНОЛОГ НА ВЫДОХЕ

В. Долиной

Нет, мы империя добра!
А не империя мы зла,
Как мы тут слышали вчера
От одного тут мы козла.
Не будем называть страну,
Главой которой был козел,
Мечтавший развязать войну,
От наших городов и сел
Чтоб не осталось и следа,
Но мы ему сказали: «Нет!»
И он был вынужден тогда,
Чтоб свой спасти авторитет
Козлиный, с нами заключить
Один известный договор,
Который должен исключить
Саму возможность всякий спор
Решать насильственным путем,
А нам такой не нужен путь,
Поскольку к миру мы идем,
А если вдруг когда-нибудь
Другой козел захочет вдруг
С пути нас этого свернуть,
Ему мы скажем: «Знаешь, друг,
Вали, откудова пришел!»,
И он отвалит — тот козел.

СОДЕРЖАНИЕ

«По улице идет автобус...»

Автобус	3
Случай в больнице	5
Электромонтерам	7
Часовой	8
Песнь	9
Камелия	10
Землекоп	12

Мечта о крыльях

Странный гость	13
Отец и сын	16
Сюжет впотьмах	18
Поэт и прозаик	20
Мечта о крыльях	23
«Подайте, граждане, поэту!...»	24
«Когда сгорю я без остатка...»	25
Заявление для печати	27
Городским поэтам	29
«Конечно, это горько, но...»	30

Попытка к тексту

Невольное	31
Про Петра	32
Летающий орел	34
Похвала движению	35
О чем мечтаешь ты, товарищ?	36
Попытка к тексту	37
Пастораль	38
«Ах, отчего на сердце так тоскливо?...»	39
«Куда ушли товарищи мои...»	40
Все отлично!	41
«Меня зовут Иван Иванович...»	42
«Сияло солнце над Москвою...»	43
«Ероплан летит германский...»	44
Монолог на выдохе	46

Книга Игоря Иртеньева прошла конкурсный отбор в серии «Анонс», которая появилась в издательстве «Московский рабочий» по предложению молодых поэтов, прозаиков, критиков и публицистов. Рукописи будущих книг отбираются, рецензируются и готовятся к печати общественной редколлегией. В НЕЕ ВХОДЯТ:

СЕРГЕЙ БАРДИН
ЛЮДМИЛА БЕКЛЕШОВА
ИВАН ЖДАНОВ
НАДЕЖДА КОНДАКОВА
АЛЛА ЛАТЫНИНА
АЛЕКСАНДР ЛАВРИН
(председатель)
АЛЕКСЕЙ ПАРЩИКОВ
ВЯЧЕСЛАВ ПЬЕЦУХ
НАДЕЖДА СКРЯБИНА
ВЛАДИМИР САЛИМОН
СЕРГЕЙ ЧУПРИНИН
АНАТОЛИЙ ШАВКУТА

Иртеньев Игорь Моисеевич
ПОПЫТКА К ТЕКСТУ

Ответственный за выпуск *В. Салимон*

Заведующий редакцией *А. Бармасов*. Редактор *Л. Беклешова*,
Художник *В. Виноградов*. Художественный редактор *Ф. Барбышев*.
Технический редактор *С. Устинова*. Корректоры *Т. Нарва*, *Е. Коротаева*.

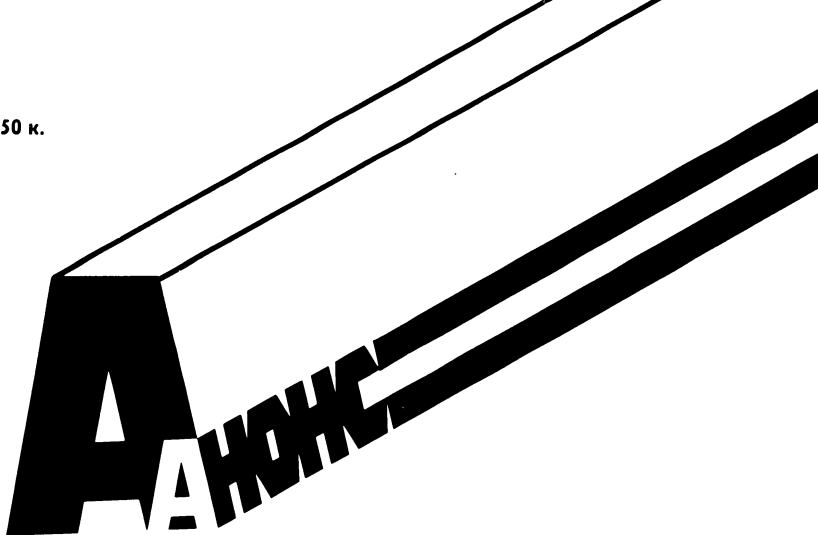
ИБ № 4611

Сдано в набор 12.06.89. Подписано к печати 21.11.89. Л22673. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,1. Усл. кр.-отт. 2,27. Уч.-изд. л. 1,46. Тираж 10 000 экз. Заказ 4870. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

50 к.

Игорь Иртенев родился в 1947 году. Закончил Ленинградский институт киноинженеров и Высшие театральные курсы. Работал на Центральном телевидении, в газете «Московский комсомолец». Член добровольного общества профессиональных литераторов «Москва» и Союза журналистов СССР. Публикуется с 1979 года. Стихи печатались в «Литературной газете», «Литературной России», «Московском комсомольце», «Авроре», «Новом мире», «Огоньке», «Юности», альманахе «День поэзии» и т. д.

В 1986 году вместе с группой поэтов так называемой «Новой волны» вошел в состав клуба «Поэзия».